

РАЙХАН

ПОВЕСТЬ

Рахмет смотрел фильм без всякого интереса. Пришел он в клуб ради Райхан. Но здесь ее не было.

Едва дождавшись конца сеанса, Рахмет вышел из зала.

На улице его поджидала Мекке. Когда он поравнялся с ней, девушка с деланным безразличием окликнула:

— Рахмет, ты не очень торопишься?..

Он вздрогнул и невольно помедлил с ответом.

— Нет... не очень... А что?

— Да так...— повела плечом Мекке.— Мне показалось, что ты спешишь... Домой, что ли?

— Домой. Куда же мне еще?

Мекке как-то сразу стала другой и, опустив голову, тихо попросила:

— Проводи меня, Рахмет...

В голосе ее сквозила надежда и еще что-то, чему трудно дать объяснение.

— Пожалуйста, Мекке! Ведь во всем нашем ауле вряд ли найдется хоть один парень, который бы отказался пройтись с такой девушкой, как ты.

От девушки не ускользнула наигранная веселость Рахмета.

Они медленно шли по ночному окраинному переулку и, лишь бы не молчать, перебрасывались ничего не значащими словами. Кругом было тихо и лунно. Умиротворенность тишины

еще больше подчеркивалась ровным и спокойным шумом реки. На чистом темном небе ярко мерцали редкие крупные звезды.

— Ночь-то... ночь,— выдохнула Мекке.

— Да, ночь что надо...— безучастно отозвался Рахмет.

Девушка искоса посмотрела на него. Ей стало обидно, что душевный настрой ее не нашел отзвука в его сердце. И она вдруг, меняя тон, резко спросила:

— Ты зачем приходил в клуб?

— Как зачем?— словно бы удивился Рахмет.— Ведь кинофильм...

— Брось лукавить,— с досадой отмахнулась Мекке.— У тебя не хватает смелости сказать, что в клубе ты был из-за нее...

— Кого ты имеешь в виду?..

— Сам знаешь. И опять лукавишь. А зачем? Ты же хотел встретиться с Райхан. Разве не так? Молчишь?

— Почему же молчу, я говорю,— смутился Рахмет.— Ты считаешь, что в клуб приходят...

— Ничего я не считаю,— перебила Мекке.— Я хочу, чтобы ты мне ответил, почему у нас считается неприличным бороться женщине за свое счастье, за свою любовь? Почему?

— Ну, как тебе сказать, ты же знаешь — традиции... А они живучи...

Мекке нервно засмеялась.

— Да, знаю,— традиции, адат — знаю. Но за свою любовь я все равно буду бороться. Буду!

Голос девушки задрожал, Рахмет почувствовал, что ее душат слезы. Но он не мог понять, чего было больше в поведении Мекке — любви или уязвленного самолюбия. И все же ему стало жаль ее, хотелось сказать ей что-то хорошее, но он только глухо промолвил:

— Кажется я не давал тебе никакого повода...

— Неправда! — вскинула голову Мекке и пристально посмотрела в глаза Рахмету.— Как ты объяснишь свои письма, которые ты чуть ли не каждый день посылал мне, когда учился в Ростове?.. Я понимаю, что сейчас я выгляжу смешной. Но почему смешной бывает девушка, которая хочет счастья? Ты можешь мне ответить?..

Где-то за темными садами залаяла собака. По макушкам деревьев прошелестел ветер. Далеко на юге, в стороне гор, мигнули зарницы.

Молодые люди долго шли молча. Мекке, впервые высказав так резко все, что ее мучило, почувствовала себя опустошенной и усталой. И у Рахмета на сердце было прескверно.

Когда-то он увлекался Мекке. Писал ей пыльные письма. Потом ему встретила Райхан, тихая, скромная, с необычайно белым для ногайки лицом, и он понял, что увлечение и любовь далеко не одно и то же. Но между ними стояла Мекке. Из-за нее они даже иногда ссорились. И сколько раз он давал себе слово навсегда порвать с прошлым. Но, встречаясь с Мекке, терялся, становился нерешительным, а вернее — трусливым.

Тягостное молчание нарушила Мекке. С горечью она сказала:

— У тебя, Рахмет, нет сердца... Рахмет попытался отшутиться:

— Почему же нет? Есть у меня сердце — вот здесь,— он положил руку на грудь.

— Для Райхан?

Рахмет понял, что наступил тот момент, когда он одним словом может

прекратить всякие отношения с Мекке. Но глянув на девушку, в ее грустные глаза, он почувствовал, как комком в горле застряло это ранящее слово и, сглотнув его, промолчал.

— Может быть, я неправду сказала?— отозвалась Мекке.

Возле дома, где жила Мекке, молодые люди молча простились. Каждый почувствовал неловкость и ложность своего положения. В самую последнюю минуту Мекке, прерывающимся от волнения голосом произнесла:

— Запомни, Рахмет, не будет у тебя счастья с Райхан, не будет!

И она быстро захлопнула калитку.

II

Абубекир проснулся среди ночи и вспомнил вчерашний разговор со старой Баухан. Человек... Он бывает добрым и злым, всемогущим и беспомощным — все зависит от него самого. Добрых людей на земле больше, чем злых. Но почему же это доброе большинство так терпимо к злему меньшинству? Видимо, прав был поэт, сказав, что доброта должна быть с кулаками. Вот взять Райхан... Окончила школу, на мир смотрела открытыми доверчивыми глазами, мечтала стать учительницей. И вот из-за какого-то негодяя все разлетелось в пух и прах. Но негодяй есть негодяй. Он совершил подлость и исчез. А где же были добрые люди — товарищи, подруги Райхан, те, кто учил ее в течение долгих десяти лет, где были все они?

Сна как не бывало. Абубекир лежал в постели и думал о странностях в людских взаимоотношениях. Потом он потянулся к тумбочке у изголовья кровати и включил ночник. От голубого, мертвенного света, разлившегося по комнате, ему стало еще горше. Он закурил, но тоскливое чувство не проходило. В глубине сознания беспокойно шевелилась мысль, что за все, что случилось с Райхан, в ответе и он. Легче всего задавать вопросы: где были те, где

были эти, когда с человеком случилась беда? А вот где был ты, журналист Абубекир Беширов?

В окно заглянула луна. Бледная и холодно-безмолвная. Где-то рывкнул автомобильный сигнал. Потом послышался далекий гул самолета...

Все в мире шло так, как и должно было идти: над сонной землей покоилась ночь, в ее чуткую тишину врывались автомобильные гудки, черные просторы неба бороздили самолеты. А Райхан в это время по чьей-то злой воле, выбитая из общего ритма жизни, лежала на больничной койке. Маленький, беспомощный человек один на один со своим огромным, как мир, горем.

Абубекир погасил папиросу, взбил кулаком подушку и, натянув на себя одеяло, попытался уснуть. Но тревожные мысли, обгоняя друг друга, толпились в усталом мозгу, и он до рассвета так и не смог сомкнуть глаз.

Утром, наскоро позавтракав, поехал в аул Адиль. Старуха Баухан встретила его как давнишнего знакомого. Однако Абубекир успел заметить, что по ее печальному, в густой сетке морщин лицу скользнула тень настороженности и беспокойства.

— Ну, как, мамаша, чувствует себя Райхан? — спросил Абубекир, усевшись на табурет возле стола и вежливо отказавшись от калмыцкого чая, предложенного хозяйкой дома.

Баухан тяжело вздохнула и кончиком темного платка провела по глазам.

— Все так же, сын мой. Молчит и сохнет день ото дня. Не знаю, что и делать мне с ней.

Хлопнула дверь, и в комнату мячиком вкатился Мурат. Он хотел что-то сказать бабушке, но, увидев чужого человека, осекся.

— Ну-ну, джигит, подходи ближе, — подбодрил его Абубекир.

Мурат потупился, с минуту постоял, шмыгая носом, и вдруг рванулся назад к выходу.

— Мурат! — окликнула его Баухан. — Что это ты? Гость же у нас.

Мальчик замер у порога. Абу-

бекир подошел к нему, взял за плечи и повернул к себе.

— Ты что, боишься меня?

— Нет.

— А чего же ты хотел убежать?

Мурат переступил с ноги на ногу, поднял глаза на Абубекира и простодушно сказал:

— Не знаю, — они оба рассмеялись.

— Ну, иди, гуляй, — Абубекир легонько подтолкнул мальчика, и тот пулей вылетел во двор. Абубекир, улыбаясь, вернулся к столу. Баухан все это время внимательно следила за гостем. Потом села на топчан, застланный стершимся войлоком, и пригорюнилась.

— Мамаша, знаете, зачем я приехал к вам? — обратился к ней Абубекир.

Немного помедлив, Баухан ответила:

— От плохих людей да убережет меня аллах, а хорошим — я всегда рада!

— Я пришел к вам с добром, мамаша.

— Добра желаю и тебе, сын мой.

— Мне нужно письмо. То самое письмо, которое вы мне вчера показывали.

— Письмо? — старуха поднялась. — А как же Райхан?

Абубекир приблизился к ней и мягко сказал:

— Не беспокойтесь, мамаша. Письмо никуда не денется. Я верну его вам, и Райхан ничего не будет знать. Пусть это будет вашей и моей тайной, если, конечно, вы мне доверяете.

— Зачем оно тебе? — колеблясь, спросила Баухан.

— Нужно. Очень нужно. Большого я вам сказать не могу.

Баухан шевелила сухими бледными губами, вздыхала, наконец тихо заговорила:

— Не знаю, что и сказать тебе. Вижу, что глаза твои честные и сердце твое, наверное, доброе. Я верю тебе, сын мой.

III

Вечером Абубекир, наконец,

поймал секретаря колхозной комсомольской организации Ильяса Асанова. Это был невысокий, очень подвижный, даже суетливый парень. На его круглом скуластом лице двумя черными угольками горели живые и цепкие глаза. Настойчивый и бескомпромиссный в работе, Ильяс считал главным качеством молодежного вожака умение быстро решать любые дела и очень не любил советов, а тем более — замечаний.

— Мне надо поговорить с тобой, Ильяс,— обратился к нему Абубекир, входя вместе с ним в помещение аульного клуба.

— О чем, товарищ?— бросил тот, направляясь к своему столу и убирая в ящик бумаги.

— Разреши, я присяду,— усмехнулся Абубекир.

Ильяс чуть смутился, сел сам и указал гостю на стул. Когда тот уселся, он пристально посмотрел на него и нетерпеливо спросил:

— Так о чем же нам говорить?

— Для начала познакомимся,— меня зовут Абубекиром. Я из редакции. А поговорим мы о Байрамовой Райхан. Она, кажется, на комсомольском учете у вас?

Ильяс заерзал на стуле: корреспондент ему не понравился. В его голосе послышалась язвительная усмешка.

— Да, была на учете,— нажимая на слово «была», ответил Ильяс. — Работала одно время дояркой. После школы. Неплохо работала. Была общительной. Любила петь. Из комсомола выбыла. Механически. Вот, пожалуй, и все...— Секретарь сыпал короткими фразами, словно бросал круглые камешки.

Журналиста покоробил тон, которым с ним разговаривал комсомольский секретарь и то, что он о Райхан говорил в прошедшем времени, словно ее уже нет в живых.

— Ну, а где же сейчас эта веселая Райхан? — сдержанно спросил он.

Ильяс со стуком опустил локоть на стол, подпер подбородок кулаком и, прищурив маленькие-глаза, в свою

очередь спросил:

— Послушайте, а почему, собственно, это интересует вас?

— А разве секретаря не интересует судьба, хотя бы и бывшего члена комсомола?

Ильяс поднялся из-за стола, раза два прошелся по комнате и снова сел на свое место. Абубекир продолжал:

— Меня это интересует хотя бы уже потому, что я представляю здесь газету.

— Я уже слышал,— буркнул, насупившись, Ильяс. — А Райхан в больнице. Все?

— Уже второй месяц...

— Кажется.

Как ни старался Абубекир быть сдержанным, но колкие и недружелюбные ответы секретаря возмущали его. Ему казалось, что в каждом слове Ильяса сквозило кричащее равнодушие. А равнодушие к судьбе человека он переносить спокойно не мог. Впрочем, возможно, это от того, что слишком свежо было впечатление от злого письма Рахмета.

— Ты навещал Райхан в больнице?

— Я? — искренне удивился Ильяс, ткнув себя пальцем в грудь. — С какой это стати? Чтобы люди говорили, что я ее муж?

— А разве у нее есть муж?

— Конечно. И сын есть. Только его сейчас в ауле нет. — Мужа — я говорю.

— А где он?

— Откуда мне знать?..

Абубекир задумался, хмурил густые брови, крутил в пальцах карандаш.

— Ты давно работаешь секретарем? — взглянув на Асанова исподлобья, нарушил тягостное молчание.

— Я? Второй год.

— Ну и как?

— Что — как?

— Работается, спрашиваю, как?

— Обыкновенно. Голову еще не намыливали.

— Жаль.

— Жаль, говорю. Давно бы надо намылить.

— Там, видимо, другого мнения,— Ильяс ткнул пальцем в потолок.

Абубекир поднял палец:

— Там проглядели.— И, не попрощавшись, вышел.

IV

Накатанная полоса асфальта тускло поблескивала. Пассажиры автобуса молчали, убаюканные мерным покачиванием машины и ровным урчанием мотора.

Абубекир рассеянно смотрел в окно, где почти не менялся пейзаж. Вправо и влево до самого туманного горизонта распахнулись зеленые поля. Вдали темнели горы.

Все в мире шло так, как и должно идти: по дороге, рассекающей зеленые поля, мчался красно-желтый автобус, дремали пассажиры, туманилась даль... А Райхан томилась в больнице. Одна со своим горем.

Анатолий Васильевич, главный врач районной больницы, седовласый человек лет под шестьдесят, с добродушным лицом, на котором улыбались умные голубые глаза, охотно беседовал с Абубекиром.

— Да, молодой человек,— говорил он, поглаживая ладонью левой руки тыльную сторону правой,— у Байрамовой сильное нервное потрясение. Я даже опасюсь за ее психику.

— Чем это вызвано?— вырвалось у Абубекира.

— Видите ли, мы, врачи, можем говорить только об объективных признаках болезни. — Анатолий Васильевич облокотился о стол и скрестил кончики длинных, чутких, как у пианиста, пальцев.

— А о субъективных... Дело в том, что больная упорно молчит.

Мать ее ничего не знает. А посетители к ней почему-то не приходят.

Да-а, — протянул Абубекир. — А вы, Анатолий Васильевич, не могли бы подумать о поездке в ее аул? Ведь

случай, как я вас понял, серьезный.

Главврач не сразу ответил.

— Вы, молодой человек, правы. Хотя подобные исследования в медицинской практике редки. Мысль ваша интересна. Да, интересна,— сам себе поддакнул главврач.

Абубекир вынул из папки, лежащей на коленях, голубой помятый конверт и протянул его главному врачу.

— Вы, Анатолий Васильевич, врач, и я со спокойной совестью вверяю вам чужую тайну. Прочтите, пожалуйста, это письмо. Может быть, оно что-нибудь подскажет вам.

Анатолий Васильевич извлек из конверта сложенный вчетверо тетрадный в клетку листок и стал читать.

Абубекир внимательно наблюдал за выражением его лица. Но лицо врача оставалось непроницаемым.

«Врачу, наверное, известны и не такие случаи из человеческих взаимоотношений», — подумал Абубекир.

Анатолий Васильевич кончил читать письмо и, подняв голову, посмотрел в окно. Потом с брезгливостью вложил листок в конверт.

— Прегрязное письмишко, скажу вам. Теперь многое стало понятным. Я проконсультируюсь с психиатром, и мы постараемся подыскать более эффективные методы лечения.

— Только одно условие, Анатолий Васильевич,— сказал Абубекир, пряча конверт.— Больная не должна знать, что вам известно содержание письма.

— Разумеется.

— А теперь, если можно, разрешите мне попытаться поговорить с ней.

— Пожалуйста, пойдёмте,— поднялся главврач. — Но боюсь, что вам не удастся разговорить ее.

V

Абубекир не находил себе места. Он то и дело выходил в коридор, нетерпеливо поглядывая на свои часы. Сотрудники газеты, работавшие с ним в одном кабинете, переглядывались и пожимали плечами. Но Абубекир ничего

не замечал. Скоро десять, а редактора все не было.

Когда он после очередного рейса в коридор снова вернулся в кабинет, заведующий сельхозотделом Мурадин, посмеиваясь, спросил его:

— Что это ты, Абубекир, все бегаешь, как Насреддин Ходжа, который раньше своего ишака примчался в аул?

Абубекир отмахнулся рукой и пошел к своему столу. В это время секретарь редактора приоткрыла двери и шепотом сообщила:

— Абубекир, он уже у себя. Войдя в кабинет редактора, Абубекир сходу выпалил:

— Исмаил Анварович, мне срочно нужно в командировку!

— Садись, Абубекир,— предложил, улыбаясь, редактор.— Здравствуй!

Абубекир покраснел и молча опустился в кресло. Редактор медленно протер платком стекла очков. Его полное с узкими и чуть припухшими глазами лицо источало добродушие.

— А как с заданием?— спросил он, водружая на нос очки.

Он имел в виду очерк, который должен был написать Абубекир и для чего прошлый раз ездил в аул Адиль.

— Все в порядке, Исмаил Анварович.— И он положил на стол отпечатанные на машинке листы, схваченные с угла скрепками.

Редактор взял очерк, не спеша перелистал его и положил в папку.

— Командировка, значит, нужна... Срочная?..

— Срочная, Исмаил Анварович.

— Куда, зачем и на какой срок?

— Дней на десять. В Зауральск.

— В Зауральск?— удивился редактор.— За тысячи километров? Что-то непонятно...

— Выслушайте, Исмаил Анварович, это очень важно.

Абубекир поведал редактору драматическую историю Райхан.

— Речь идет о человеке, попавшем в большую беду!— горячо закончил он.

— Мда-а,— задумчиво протянул

редактор, постукивая пальцами о стол.— А откуда ты знаешь, что этот Рахмет именно из Зауральска?

— Так я же вам сказал, что у меня есть его письмо с обратным адресом. Вот оно...

— А его ли это письмо?

— В том-то и дело!— воскликнул Абубекир.— Это запутанный клубок.

— И ты решил распутать его?

— Потому и прошу командировку.

Редактор снова забарабанил пальцами о стол. Молчание затягивалось. Абубекир дипломатично кашлянул.

— История эта, конечно, заслуживает внимания. Но ведь до Зауральска тоже — не рукой подать.

— Деньги мне не нужны,— решительно заявил Абубекир.

— Как это — не нужны? Ты же будешь заниматься не личным делом?

— Исмаил Анварович, через неделю я иду в очередной отпуск. Передвиньте его на семь дней ближе — и все. Я и так думал попутешествовать во время отпуска.

— Это не меняет дела. Командировочные ты все равно должен получить.

После этих слов редактор неожиданно закончил:

— Ладно. Иди работай. Когда будет нужно, я тебя позову.

В конце недели редактор уехал в краевой центр. Пробыл там два дня. За это время Абубекир еще раз съездил в больницу. Снова беседовал с Анатолием Васильевичем, посвятил его в свои планы. Тот его поддержал. Потом Абубекир навестил Райхан. Как и в прошлую встречу, она ничего ему не сказала. Бледное, худое лицо ее, отрешенность во взгляде — все это производило гнетущее впечатление.

Вернувшись из краевого центра, Исмаил Анварович пригласил Абубекира к себе.

— Как самочувствие, Абубекир?

— На нуле,— невесело пошутил Абубекир.

Редактор, произнеся свое привычное «так», сказал:

— Ну, брат, готовься в Зауральск.

VI

Веселая трель звонка — конец последнего урока. Захлопали двери классов. Ребята высыпали в коридор, вмиг заполнив его топотом ног, разноголосым говором.

Учителя складывали в свои безразмерные портфели стопки ученических тетрадей, книги, собираясь идти домой, когда в учительскую вошел директор школы Иса Каламатович.

— Любовь Петровна, — обратился он с порога к пожилой учительнице, которая делала записи в классном журнале, — задержитесь, пожалуйста, и зайдите ко мне.

Любовь Петровна положила журнал на полку, собрала портфель и направилась вслед за директором. Она заметила, что Иса Каламатович был чем-то озабочен, озабоченность невольно передалась и ей, и в глубине души возникла непонятная тревога. Войдя в кабинет, она вопросительно взглянула на директора.

— Любовь Петровна! Помните ли вы выпускницу нашей школы Байрамову Райхан?

— Как же, как же, — обрадовалась учительница, — такая премилая девочка, отличница.

— Она сейчас в больнице, — сказал директор, ожидая, что Любовь Петровна начнет охать да ахать, но услышал другое:

— Я это знаю. Иногда захожу к ее матери. Славная старушка. Нелегко ей сейчас одной, ведь у нее внук. В будущем году он придет к нам в школу.

— Ну, что ж, это хорошо, — ответил директор, поправляя очки на большом с горбинкой носу. — Но нам надо подумать и о Райхан. Как-никак она училась в нашей школе. Училась у меня, у вас, Любовь Петровна.

Любовь Петровна с удивлением слушала директора. Иса Каламатович душевной щедростью и отзывчивостью не отличался, а тут — на тебе, откуда все взялось.

Директор между тем продолжал:

— Ведь вы у нас, Любовь Петровна, председатель месткома. Вот я и хочу с вами посоветоваться, что мы можем сделать для Райхан...

Любовь Петровна медленно шла домой. По выражению ее лица, по тому, как молодо сияли ее серые глаза, можно было понять, что в старом сердце нынче гостила радость.

Вечером Иса Каламатович зашел к председателю колхоза Адемею Селимовичу. Но только начал говорить, о цели своего прихода, как тот неожиданно рассмеялся и развел руками:

— Ей-богу, вы все с ума сошли. В обед влетел ко мне как ошалелый Ильяс. Только что ушел секретарь парткома. Теперь вот и ты, Иса. Все на меня нажимают. Сговорились, что ли?

Иса Каламатович холодно глянул на председателя. Он считал, что серьезное дело требует серьезного разговора и шутики в подобных случаях находил неуместными.

— Не знаю, Адемей, — сухо сказал он, — может, кто и нажимал на тебя, но я пришел не за тем. Я пришел посоветоваться и прошу выслушать меня без всяких насмешек.

— Что ж, — поторопился председатель, смахнув с лица улыбку, — давай посоветуемся. Чего же ты хочешь от меня?

Хмурые морщины на лбу Исы Каламатовича разгладились, и он с солидностью, приличествующей директору, продолжал:

— О мальчике позаботится школа. Есть у нас кое-какие соображения. Однако есть вопросы, которые школе решить не под силу.

— Например? — опросил Адемей и достал папиросу из нагрудного кармана черной, со стоячим воротником, рубашки.

— Например, дом, вернее, развалина, в которой живет старуха, — ответил Иса Каламатович, дождавшись, пока его собеседник закурил.

— Знаю, — тут же сказал председатель колхоза, затаиваясь дымом. —

Прохудилась крыша. Починим. Еще что?

— Хм... А известно тебе, как живут старая Баухан и ее внук?

— Известно, Иса, известно. Плохо живут.

— Ну, я вижу, ты все знаешь.

— Вот именно, все!— вдруг рассердился председатель.— Мы многое из того, о чем ты говорил, уже сделали. Запоздал ты, Иса, с ходатайством. Так-то, друг!

VII

Вернемся к более ранним событиям, чтобы прояснить картину и у читателя не осталось превратных представлений.

Мекке порешила, что ее подруга Райхан увлекалась Кельдимуратом, и склонна была видеть, что чувства их с каждым днем все глубже. Это ее радовало, потому что была надежда, рано или поздно покорить сердце Рахмета, хотя тот после возвращения из Ростова относился к ней холодно и все больше заглядывался на Райхан. Но Мекке пока не очень тревожилась. Она думала, что все образуется, когда Райхан выйдет замуж за Кельдимурата, и тогда у Рахмета выбора не будет. Однако случилось неожиданное: Рахмет женился на Райхан. Мекке затаила злобу.

Любовь великодушна, и она умеет прощать, а зло слепо в своей безрассудности.

Прошло три года, как Рахмет и Райхан стали мужем и женой. У них рос сын Мурат.

Была суббота. Мекке сидела дома за обеденным столом и писала. Лево́й рукой она придерживала убористо исписанную бумагу, а правой — что-то заносила на чистый листок. Казалось, что она старательно переписывает какой-то документ.

Скрипнула дверь, и в комнату вошла сестра Мекке — Айшат, придерживая на плече пустую сумку почтальона.

— Разнесла почту? — не отрываясь от своего занятия, как бы между прочим, спросила Мекке.

Айшат не ответила сестре, повесила сумку на гвоздь возле двери. Мекке сложила бумаги и пристально посмотрела на сестру.

— Ты чего такая хмурая? Не заболела ли?

— Нет, Мекке. Устала я. Очень устала,— отозвалась Айшат, опускаясь на диван.

Мекке пересела к ней, помедлила, прежде чем обратиться вновь, а когда обратилась — голос у нее изменился, звучал глухо:

— Письма не было?

Айшат одним движением отодвинулась от сестры:

— Нет, не было!

Мекке вздрогнула, словно ее кто ударил кнутом и, резко поднявшись, остановилась перед сестрой, натянутая как струна. Айшат взглянула на нее и испугалась: в сузившихся глазах Мекке лихорадочно поблескивали злые огоньки, тонкие сжатые губы кривились и подрагивали. Айшат невольно опустила голову. Мекке схватила ее за руку.

— Завтра ты поедешь в райцентр!

— Зачем?

— Навестишь Райхан,— ответила Мекке, отпуская руку сестры.

Веки у Айшат поднялись.

— Ну, что ты lupишь глаза, как сова в солнечный день!— топнув ногой, взвизгнула Мекке.

Сдерживая себя, Айшат спросила:

— Что ты задумала, Мекке?

Тяжело дыша, Мекке помолчала и, совладав с собой, примирительно обратилась к сестре:

— Разве Райхан не была мне да и тебе подругой? Все к ней ездят. А мы чем хуже других? Поговори с соседкой Айше и отправляйтесь вдвоем. А почту за тебя разнесу я сама.

— Я спрашиваю тебя, что ты еще задумала? — не отставала от нее Айшат.

— Ничего. Я не хочу, чтобы люди о нас плохо думали, да и Райхан будет приятно, если ты наведишь ее.

Айшат подошла к сестре и, задышав, бросила ей в лицо:

— Лжешь! Я не верю тебе!

— Почему?

Айшат отвернулась, чтобы скрыть

набежавшие слезы.

— Скажи мне, только честно — ты любишь Рахмета? — спросила она.

— А какое это теперь имеет значение? — промолвила Мекке.

— Нет, ты скажи — любишь? — настаивала Айшат.

— Ну... любила.

— А теперь?

— Не знаю. Наверно, нет.

— Так чего же ты добиваешься?! — взорвалась Айшат. — Разве тебе мало того, что ты уже разбила их жизнь?

— Он меня обманывал. И Райхан — тоже.

— Неправда!

— Неправда? — Мекке подбежала к тумбочке, вытащила из ящика перевязанную пачку писем и, потрясая ею перед лицом сестры, закричала:

— А это что... что?.. Зачем он их писал мне? Он глумился надо мною, над моей любовью. Он... он...

Мекке, закрыв лицо руками, заплакала. Айшат подошла к ней и молча остановилась. Потом спокойно сказала:

— Послушай, Мекке, ты просто сама себя разжигашь. Никогда ты Рахмета не любила. Сейчас потрясаешь письмами, а ведь ты редко писала ему. Ты тогда бегала за Кельдимуратом.

— Все равно, — произнесла Мекке, перестав плакать.

— Что все равно?

— Я не хочу, чтобы...

Айшат перехватила мысль сестры и досказала ее.

— Чтобы люди были счастливы? Вот что я тебе скажу: ты никого не любила и не любишь. Ты любишь только себя, и все, что ты делаешь, — грязно, скверно.

— Замолчи! — закричала Мекке.

— Хватит! Не буду больше молчать! Ты должна оставить Райхан в покое, тем более сейчас.

— Она разбила мое счастье, — не сдавалась Мекке.

— И снова ты лжешь. Это ты разбила ее счастье. Тебе мало того, что Кельдимурат стал ухаживать за тобой? Выходи за него замуж и успокойся...

Мекке сразу же оживилась.

— Вот-вот, об этом ты и скажи Райхан, когда будешь у нее.

— Для чего?

— Как — для чего? Пусть она раз и навсегда поймет и успокоится: мне ее Рахмет не нужен.

— Ох, Мекке, Мекке, — с досадой произнесла Айшат, — ты говоришь одно, а думаешь — другое. Хочешь, я разгадаю твой план?

— Какой еще план? — вскинула тонкие брови Мекке.

— Брось притворяться. Ты уверена, что Райхан порвала с Рахметом и теперь готова отдать сердце Кельдймурату. И если это так, то сообщение о том, что ты выходишь замуж за Кельдимурата, должно dokonать ее. Не так ли?

Мекке не сумела скрыть волнения, покраснела и, не находя что сказать Айшат, набросилась на нее.

— Ты схожа с ишачкой с длинными ушами и глупой головой. За кого ты меня принимаешь?

— За того, кто ты есть, — не повышая голоса, возразила Айшат. Она видела, что ее слова попали в цель, а истерические выходы сестры — признак ее бессилия. — Знай, — продолжала она, — я больше не помощница тебе. Никаких писем приносить не буду, и первое, которое придет от Рахмета, я передам Райхан.

— Нет, голубушка, ты этого не сделаешь. Ты у меня на крючке, — зло прошипела Мекке. — Тебя будут судить за нарушение закона о тайне переписки. Поняла?

У Мекке это был главный козырь, который она пускала в ход всякий раз против Айшат. Но на этот раз Айшат не сдавалась. Она гордо вскинула голову и с презрением бросила сестре:

— Пусть судят! Это даже лучше, чем каждую минуту чувствовать угрызения совести за подлость, которую ты совершаешь. Ты, ты!

Мекке растерянно молчала.

VIII

В огромном городе, куда Абубекир приехал три дня тому назад,

постоянно стоял глухой и ровный гул, словно глубоко под землей работала какая-то гигантская машина. Вечером окна гостиничного номера озарялись вспышками голубоватого света. Это рассыпались электрические искры на стыках троллейбусных проводов.

В мире все шло так, как и должно было идти. А Райхан коротала томительные, длинные ночи на больничной койке в далеком и тихом Хабле. Одна, со своими мрачными и тяжелыми, как каменные глыбы, мыслями.

Абубекир вздохнул и развязал галстук. Взгляд его безразлично скользнул по гостиничной обстановке. Все, как в любой гостинице: узкая кровать, аккуратно застланная покрывалом, на полу перед нею — коврик. Низкий гардероб, стол, кресло и на столе горбатый, похожий на черного жука, телефон. Абубекир опустился в кресло и, достав из внутреннего кармана пиджака письмо, — в который раз! — начал его перечитывать.

Он читал письмо и пытался представить себе портрет Рахмета. Наверно, у него узкий и покаты́й лоб; маленькие вороватые глазки глубоко прячутся под нависшими бровями; руки длинные, толстые. В общем, получился портрет почти неандертальца.

Потом Абубекир подумал о той роли, которую он добровольно играет в этой житейской драме. Но кто он, Абубекир Беширов, что вмешивается в чужую жизнь? А что значит — чужая жизнь, если человек попал в беду, если он нуждается в помощи? Разве может быть такая жизнь чужой? Он дал себе слово разорвать паутину лжи и сплетен, опутавших Райхан. Как же он может изменить слову, данному перед собственной совестью?

Незаметно Абубекир заснул.

Явившись на следующее утро в центральное справочное бюро, Абубекир получил подготовленную для него справку: «Ушаров Александр Сашхович, ул. Свободы, д. 40, кв. 20».

Что за чертовщина! Человека, о

котором он наводил справку, звали Умаров Рахмет Салихович. А тут какой-то Ушаров. И не Рахмет, а Александр. И отчество — Сашхович. Но ведь работники справочного бюро, видимо, принимали во внимание и другие данные, которые указал, заполняя бланки, Абубекир. Например, что Рахмет — житель аула Адиль, что родился он в 1942 году. Может быть, тут дело проще — молодая девушка вышла на свиданье, все перепутала? И все же он решил проверить.

Вернувшись в гостиницу, Абубекир заказал телефонный разговор с Пригорском. Через час он разговаривал с Мурадином и, повторяя слова по нескольку раз, просил узнать, не носил ли известный ему Умаров какое-нибудь другое имя.

Ночью зазвонил телефон. Далекий голос из Пригорска сообщил, что Рахмета еще звали Сашей, и, кажется, по документам он тоже именуется — Александр.

Услышав все это, Абубекир даже подскочил и бросил трубку на рычаг. А когда, опомнившись, поднял ее — ему ответил безучастный протяжный гудок.

IX

Каждое воскресенье в больницу к Райхан приезжали знакомые люди из аула. Они ободряли ее своим посещением, рассказывали ей обо всем, что нового в ауле, и она день ото дня медленно набирала силы.

Участившиеся визиты радовали и вместе с тем тревожили врача. Райхан была еще слабой, быстро утомлялась. Покой, абсолютный покой — вот что ей требовалось сейчас. Поэтому Анатолий Васильевич каждого посетителя просил говорить тихо, долго не засиживаться у постели больной, не волновать ее.

Вот и сегодня после обеда к Райхан пришли две аульские девушки, ее знакомые. Одну из них звали Айшат. Анатолий Васильевич в это время куда-то отлучился, и медицинская сестра пропустила их обеих в палату к больной.

Девушки поведали ей аульские новости, вместе вспомнили подруг и друзей. Все шло хорошо. Но потом, уже прощаясь, Айшат, казалось, безо всякого умысла, вдруг вспомнила:

— Ой, Райхан, а я ведь чуть не забыла сообщить большую новость: Мекке наконец-то выходит замуж!

Слабый румянец мгновенно сошел с лица Райхан, глаза ее расширились. Приподнявшись на локоть, она чуть слышно спросила:

— За кого?

— За Кельдимурата.

Райхан слабо вскрикнула. Голова ее бессильно упала на подушку. Девушки, не понимая, что с ней произошло, не сводили испуганных глаз с больной.

Х

Вечером Абубекир сел в троллейбус и отправился по адресу Ушарова. Он без труда нашел дом. Пройдя небольшой дворик, Абубекир поднялся на третий этаж. Помедлив перед квартирой, он позвонил. Через минуту послышались шаги, и ему открыла дверь высокая, пышноволосяя женщина в длинном цветном халате.

— Вам кого?— спросила певучим голосом.

— Простите, пожалуйста, — чуть смутившись под любопытным взглядом незнакомки, проговорил Абубекир.— Здесь ли живет Александр Ушаров?

— Здесь. Проходите. Вот его комната. Только он, кажется, не Ушаров, а как-то по-другому.

Абубекир поблагодарил женщину и боком протиснулся в тесный коридор.

Женщина, оглядываясь на гостя, ушла в свою комнату. Абубекир постучался в обитую старой клеенкой дверь.

— Входите,— отозвался мужской голос.

Абубекир переступил порог и сразу же огляделся. Старый, узкий и высокий шкаф с белым просветом на коричневом боку, маленький тонконогий столик, застланный газетами. Из серой

картонной рамки, висевшей на стене, смотрел смешной, курносый мальчонка.

— Здравствуй, Рахмет! — произнес Абубекир, только теперь обратив внимание на хозяина комнаты.

Из-за стола поднялся высокий молодой человек. Черные брови его, сломавшись посередине, удивленно приподнялись над чуть припухшими веками. Оба шагнули друг другу навстречу...

В ту ночь Абубекир поздно вернулся в гостиницу. Раздевшись и погасив свет, он лег на кровать.

Сон не шел. Слишком сильно было возбуждение от долгого разговора с Рахметом. Вот ведь как могут повернуться дела! Он, Абубекир, гнался за подлецом, заранее представлял себе, как настигнет его, как тот будет изворачиваться. А Рахмет оказался просто слабодушным человеком. Попытался бежать от самого себя, от своей любви. Бросил аул, сына, жену.

А настоящий-то подлец, оказывается, там, в горном ауле Адиль, ходит по одной улице с Райхан, каждый день встречается с ее сыном и старой матерью.

Вся эта неприглядная история, хотя и случайно, но всплыла на поверхность. Только случайно ли? Нет, не случайно! Вокруг столько добрых людей. Правда, эти люди, занятые большими делами, часто забывают о «мелочах» жизни, не видя, что от этих «мелочей» зависят человеческие судьбы. Но подлость рано или поздно вскрылась бы. Подлость наказуема! Хорошо, а почему Рахмет долгих три года пропал вдали от семьи, друзей? Он говорит, что ни на одно из своих писем не получил ответа от Райхан, что она разлюбила его. Страдал, но не хотел унижаться перед женщиной, считая это недостойным мужчины. Ложное представление о мужском достоинстве! А то письмо, что в помятом голубом конверте, он не писал. И ему можно верить.

Последнее, о чем подумал Абубекир перед тем, как заснуть, была мысль о том, что завтра надо купить билеты на самолет: вместе с ним

возвращается домой и Рахмет.

XI

С утра сильно парило. К полудню на западе встали белые, словно гигантские кучи хлопка, облака. Клубясь и расплываясь по небу, они постепенно темнели, пока не превратились в тяжелые свинцовые тучи. С гор подул сырой ветер. Глухо зашумели пирамидальные тополя. На минуту все вокруг замерло томительно-тревожным ожиданием. Но вот тяжело шлепнулась первая капля. За ней вторая, третья... В следующее мгновение капли слились в струи, а струи — в сплошной поток. Ливень хлестал с пол часа, и, ослабевая, перешел в обложной, нудный дождь. До самого вечера над землею висела сырая мгла.

Хмурой была в этот день Райхан. Очнувшись после обморока, она снова замкнулась. Анатолий Васильевич несколько раз подходил к ее кровати, шутил, подбадривал больную, стараясь вывести ее из состояния отчуждения от всего окружающего, но Райхан оставалась безучастной. Врач огорчился, вздыхал и, расстроенный, уходил из палаты.

— Райхан, милая, ты же с самого утра ничего не брала в рот, поешь хоть немного,— как ребенка уговаривали ее санитарка и медсестра.

Райхан досадливо хмурилась и молчала. Она была занята своими мыслями. А были они тяжелыми и запутанными.

Ведь все случилось как-то неожиданно и нелепо. С год примерно Райхан и Рахмет жили в полном ладу и были счастливы. Но потом Рахмета словно кто подменил. Он стал каким-то чужим и подозрительным. Когда Райхан пыталась объяснить с ним, он раздражался, придирался к мелочам — и разговора не получалось.

В сердце Райхан стала закрадываться ревность. Были для этого и основания: до нее стали доходить нехорошие слухи о ее Рахмете и Мекке. И зажила Райхан беспокойной, тревожной жизнью, день и ночь

преследуемая сплетнями, неизвестно кем распускаемыми. Устав от такой жизни, она потеряла к ней интерес, все валилось у нее из рук.

Подруги, с которыми Райхан работала на ферме, пытались вызвать ее на откровенный разговор, но она или отмалчивалась, или отделялась от них ничего не значащими словами.

И вдруг Рахмет уехал. Все произошло в одну ночь. Пришел он домой поздно, выпивши, чего раньше не позволял себе, закатил жене сцену ревности, упоминая Кельдимурата. Райхан возмутилась. Тогда он схватил чемодан и, не попрощавшись, хлопнул дверью.

Долго не было о нем вестей. Потом из далекого Зауралья пришло письмо. Оно-то и сразило Райхан. И вот она на больничной койке. Одна, со своими изнуряющими душу переживаниями.

Так продолжалось больше месяца. И вот все изменилось. Ее стали навещать подруги и знакомые. Приезжал секретарь парткома колхоза Кадыр, навестили ее подруги Кулизар и Айшат. Она была рада их приходу, но когда Айшат вдруг сказала, что Мекке выходит замуж за Кельдимурата, Райхан словно прозрела, словно ускользающий конец нити оказался в ее руке. Она начала улавливать связь между странным письмом Рахмета, Мекке и новостью, которую ей только что сообщила Айшат. Ей стало страшно от этого запоздалого прозрения, и она потеряла сознание...

Анатолий Васильевич получил телеграмму такого содержания: «Возвращаюсь вместе Рахметом», подпись: «Беширов».

Старый врач долго вертел в руках бланк телеграммы. «Беширов возвращается с Рахметом. Кто же такой этот Рахмет?» — размышлял он, морща лоб. Поднялся из-за стола и выглянул в коридор.

— Сестра! Эй, кто там есть? Позовите, пожалуйста, сестру из палаты, где лежит больная Байрамова.

Вошла сестра.

— Вы случайно не знаете, как зовут мужа Райхан?

— Кажется, Рахмет...— ничего не понимая, ответила девушка.

— Ну, конечно, это — муж Байрамовой!

— воскликнул Анатолий Васильевич.— Беглец и автор отвратительного письма...

— Какого письма? О чем вы говорите, Анатолий Васильевич? — еще больше удивилась сестра.

— Ах, да! Никакого письма!..— спохватился врач.— Спасибо, сестра, можете идти. Только Байрамовой ни слова.

«Как же быть с этой телеграммой, — думал он. — Показать Райхан или нет? Как это отразится на ее состоянии? Разве не из-за письма этого Рахмета она оказалась в больнице? Но почему тогда журналист о приезде Рахмета сообщил именно мне?».

Долго раздумывал Анатолий Васильевич и, наконец, решил: если Абубекир везет мужа Байрамовой и об этом сообщает врачу, то, видимо, в этом есть какой-то смысл. Он сунул телеграмму в карман и направился в палату Райхан.

Возле кровати больной немного поколебался, но окончательно утвердившись в своем решении, не стал откладывать его на завтра:

— Райхан, у меня для вас есть новость и думаю — приятная.

Больная безразлично смотрела на врача. Анатолий Васильевич, словно не замечая этого взгляда, весело протянул ей телеграмму.

— Прочтите, милая, прочтите,— и он тут же отошел к окну, чтобы издали наблюдать за больной.

Райхан пробежала глазами телеграфный бланк, взглянула на врача и снова, стараясь вникнуть в смысл, прочла телеграмму. Видимо, смысл известия не сразу дошел до ее сознания. Прошли томительные секунды, с лица Райхан словно кто сдернул бледную маску, и она радостно закричала:

— Рахмет едет, Анатолий Васильевич! Едет Рахмет!— И столько ликования было в этих словах такое

счастье засияло в ее глазах, что у старого врача подступил ком к горлу. Но он, словно ничего особенного не случилось, приветливо кивнул Райхан и поспешно отвернулся к окну.

А во дворе всю смеялось солнце. Деревья распрямляли ветви, смятые шальным ветром, роняли крупные капли с умытых дождем листьев.

В мире все шло так, как должно было идти: смеялось солнце, ликовало сердце Райхан, радовался старый врач.

ХII

Возвратившись из Зауралья, Абубекир поспешил в редакцию. Встретил его редактор суховаго:

— Ну, выкладывай, что удалось выяснить?

Абубекир немного опешил, но взял себя в руки и рассказал что знал.

— Мекке — вот где, по-моему, корень зла и само зло!— патетически заключил свое повествование Абубекир.

— А почему «по-моему»?— насторожился редактор.

— Видите ли, Исмаил Анварович,— все это пока что мои догадки, так сказать, мои логические построения...

— Ну и речь у тебя, Абубекир,— поморщился редактор.— Логические построения... Неужели ты ездил за тысячи километров только за тем, чтобы положить мне на стол свои догадки и логические построения? Где факты? Ведь догадки, не подкрепленные фактами,— это чепуха, домик, построенный на песке.

— Но... Исмаил Анварович!..

— Что, Исмаил Анварович? — перебил Абубекира редактор и, помолчав, добавил:— Ты вот что... Даю тебе еще день — езжай в аул или куда считаешь нужным, а послезавтра материал вот сюда!— И он хлопнул ладонью о стол.— Кстати, где сейчас твой подопечный?

— Рахмет? О, он завтра прилетает. Прислал мне телеграмму.

* * *

Рахмет Умаров как только вышел

из самолета в местном аэропорту, сразу же направился к стоянке автомашин, чтобы отправиться в аул. Но Абубекир, приехавший встретить, задержал его.

— Постой, Рахмет, сначала мы поедem к Райхан в больницу. И не сейчас — завтра утром. Ночью ее беспокоить не стоит. Я ведь знаю, что аул — это только повод, а хотел ты махнуть прямо в Хабль. Но пойми — поздно...

— Ну и противный же ты, Абубекир, — засмеялся Рахмет. — Пусть будет по-твоему.

— Вот и хорошо! А сейчас — прямо ко мне. Последуем советам предков: «Утро вечера мудренее».

Уступив свою кровать Рахмету и пожелав ему приятных сновидений, Абубекир закрылся в соседней комнате и сел за стол. Он придвинул к себе стопку бумаги и начал писать о трудной любви Райхан, о Рахмете, Мурате и всех остальных, с кем пришлось познакомиться Абубекиру. Правда, он изменил их фамилии. Но странное дело, как только это сделал, все люди, которые прошли перед ним, которых он, как ему казалось, хорошо знал, сразу же утратили свою манеру разговаривать, улыбаться, соглашаться или спорить, стали какими-то безликими.

Абубекир отчаянно дымил сигаретами, мучительно морщил лоб, но дело не подвигалось. Наконец, он сердито бросил ручку и заходил по комнате. Все, что он пережил за последнее время, медленно проплыло перед его глазами — события, люди, их слова, жесты, поступки.

Вот Мекке. Что руководило ею, когда она затеяла отвратительную игру на чувствах Райхан? Зачем ей была нужна грязная сплетня о связи Райхан с Кельдимуратом? Зачем она задерживала письма Рахмета к Райхан, а одно — подменила своим, подделав почерк Рахмета?

Добрейший Анатолий Васильевич считает, что во всем виновата слепая женская ревность. Женщина есть женщина. И Мекке, говорит он, просто мстила за свою отвергнутую любовь.

Но только ли в любви и самой

ревности дело? Нет, святое чувство стало оружием человеческой подлости. И эту подлость необходимо наказать, рассказав о ней всем-всем. Пусть люди узнают, что порой рядом с ними незаметно живут те, кто омрачает их жизнь, кто приносит им горе и печаль.

Исмаил Анварович, конечно, станет возражать. Он наверняка скажет: «Высокая мораль человека коммунистического общества воспитывается прежде всего на красивых поступках. А здесь все мрачно. И потом — надо в людях уважать их человеческое достоинство, памятуя, что от ошибок в жизни никто не застрахован». Еще он скажет: «Напиши общую статью на моральную тему, не называя конкретных имен».

Щадить? Не называть имени Мекке? А разве она щадила чувство Райхан? Думала ли она о судьбе маленького Мурата, когда разбивала жизнь его родителей. Нет, подлость всегда беспощадна. Беспощадным надо быть и к ней. И это он, Абубекир, докажет Исмаилу Анваровичу.

Но утром, когда он появился в редакции, ему ничего доказывать редактору не пришлось. Тот, выслушав Абубекира, полностью согласился со всеми его доводами. И даже сказал:

— Давай, друг, со статьей не тяни. Как только проводишь домой своих друзей, сразу же садись за работу.

XIII

Абубекир, Райхан и Рахмет, оживленно разговаривая, шли по улице аула. Их сопровождали любопытные взгляды знакомых и незнакомых людей. Над ними проносились, как черные молнии, веселые ласточки, им кланялись молодые топольки, высаженные вдоль заборов, им пели известную песнь седые струи Кубани...

Вдруг из-за угла дома навстречу им вышла Мекке. Шла она торопливо, глядя себе под ноги. Чуть не столкнувшись с Рахметом, Мекке подняла голову и тут же испуганно отшатнулась и, побледнев, застыла с

виноватой улыбкой.

Рахмет тоже остановился. С минуту недобро смотрел на нее, потом презрительно и зло процедил:

— Спрячь улыбку, Мекке! В ней слишком много яда и лжи. А это вот, возьми себе на память,— и Рахмет протянул ей помятый голубой конверт.

Мекке дикими глазами смотрела на конверт, словно это была змея, готовая ужалить ее. Потом она вскрикнула и, закрыв лицо руками, опрометью бросилась бежать по улице.

Друзья, не оглядываясь, пошли дальше. А у ворот углового дома ветер, подняв помятый конверт, бросил его на дорогу, все больше и больше засыпая серой горячей пылью.

В мире все шло так, как и должно было идти: смеялось солнце, весело шумела Кубань, щебетали ласточки, шелестели листвой стройные тополя.

Перевел с ногайского Иван Каипуров.